

Ранний буддизм. Идеи Нагарджуны и его письменное наследие в XXI веке

Е. Е. Балданмаксарова

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7322-2478>, e-mail: liza.bur@mail.ru

Early Buddhism. Ideas of Nagarjuna and His Written Legacy in the 21st century

E. E. Baldanmaksarova

*A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation*
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7322-2478>, e-mail: liza.bur@mail.ru

Не секрет, что человеком овладевает некое неизъяснимое чувство, когда он соприкасается с древневосточной духовной традицией, с буддийскими текстами и связанными с ними реликвиями, и это чувство в наше время, когда интерес к буддизму, его философии возрос, знакомо многим. А если эти исследуемые древние тексты имеют еще и особую сакральную силу, которая зрела и накапливалась в течение многих веков и тысячелетий, неизменно в чем-то наслаиваясь, обрастая мифами и легендами, то нащупать его сущностное ядро и сказать об этом свое веское слово – всегда небезынтересно и, конечно, ответственно, ибо требует особых знаний, каждодневных усилий, и – что немаловажно – преданности и верности избранной стезе.

Невольно начинаешь размышлять обо всем этом, когда знакомишься с двухтомной монографией В. П. Андросова «Основоположник Махаяны Нагарджуна и его труды» [1]. Имя автора книги широко известно не только в среде ученых-востоковедов, буддологов России, но и далеко за пределами страны. Не случайно его труды, едва выйдя в свет, становились библиографической редкостью. Данный двухтомник и вышедший совсем недавно труд «Очерки изучения буддизма древней Индии» [2] – это своего рода итог сорокалетнего изучения В. П. Андросовым буддизма – от переводов, научных комментариев, интерпретаций до аналитических исследований буддийских сакральных текстов, от исторического рассмотрения эпохи Будды Шакьямуни (V – середина IV в. до н.э.), Нагарджуны (II – нача-

ло III в.), Ваджраяны (буддийского тантризма) до периода проникновения и утверждения индийского буддизма в Тибете (VII–VIII вв.), далее в Монголии (XIII–XIV вв.; XVI в.) и в трех российских регионах (XVII в.) – нынешних Республике Бурятия, Республике Калмыкии и Туве.

Поскольку литература монгольских народов, в частности средневековая монгольская литература, которая является предметом моих научных интересов, развивалась в пределах индо-тибетского культурного ареала и была глубочайшим образом связана с буддийской наукой и философией, в частности с историей буддизма, с поэтикой – учением о словесном искусстве в целом, с проблемами переводов текстов, понимания заложенных смыслов, идей, их научного комментирования и интерпретаций и многим другим, я с нескрываемым интересом и даже с известной долей волнения раскрывала страницы трудов В. П. Андросова.

Сразу хочется заметить, что данные труды можно рассматривать как своего рода образец научного подхода и решения исследовательских задач, ибо в основе – поиск автором новых путей осмысления и трактовки буддийских идей и концепций, желание докопаться до причин их специфического своеобразия. Работам этого автора свойственны стройность изложения исследуемых материалов, их системная классификация. Им также присущи внутренняя логика, аргументация предлагаемых гипотез, обращение к дискуссионным вопросам как общетеоретического, так и историографического, источниковедческого характера.

Важной особенностью монографий, на мой взгляд, является включение переводов текстов, сохранившихся на санскритском и тибетском языках. Особый интерес и научную ценность представляют обобщающие исследования тантрического наследия (Ваджраяна) индийских буддистов (V–XII вв.): характеристика состава этой системы, их классификация. А также переводы по санскритским оригиналам тантр Наивысшей йоги (ануттара-йога-тантра), принадлежащих к наиболее высшему уровню (венец) духовного знания, постигающего высшую реальность: «Гухья-самаджа-тантра» (VI–VII вв.), или «Тантра тайной общины», «Хеваджра-тантра» (IX–X вв.), которые впервые в отечественной буддологии вовлекаются в научный оборот и представлены монографически с аннотациями и обширными детальными комментариями [2]. Безусловно, тексты Ануттара-йога-тантры написаны кодированным, символическим языком в силу своей эзотерической сущности и адресованности к особо подготовленной (посвященной) личности. Их адекватный перевод, аналитическое комментирование его на русском языке – неимоверно трудная задача для исследователя, требующая, на мой взгляд, определенных качеств личности, таких как увлеченность, усердие, терпение и др.

Вероятно, трудно найти в индо-буддийской истории, насчитывающей тысячелетия, предмет изучения, получивший полное признание как ученых-буддологов, так и ученых монахов. Изучение раннего буддизма

(вторая половина I тыс. до н.э. – первые века I тыс. н.э.), – когда созидается Дхарма (Закон) как смысловое ядро Вселенной, где все взаимосвязано и взаимозависимо, формируется буддизм как культура новых смыслов и создается буддийское образотворчество в рамках жанра жития или «житийной» литературы (в частности, образы Будды Щакьямуни, Нагарджуны), – по мысли автора, требует особых знаний, методов и подходов. В. П. Андросов, обращаясь к накопившимся проблемам традиционной буддологии, предлагает свои методы, подходы к ним и способы их решения, привлекая научные разработки ряда смежных гуманитарных наук: семиотики, антропологии, культурологии, психологии, что придает его работам особую ценность, актуализируя их новаторский характер.

Думается, не случаен интерес В. П. Андросова к личности и к духовному письменному наследию величайшего мыслителя раннего индийского буддизма Нагарджуны, которого еще называют «Вторым Буддой», – основателя религиозно-философской школы мадхьямака. Исследуя творчество Нагарджуны, автор высоко оценивает его гениальную одаренность, величие содеянного им. Занимаясь переводами его знаменитых трудов по совершенствованию ума и знания, давая научный комментарий к ним, анализируя их в целом, он приходит к выводу, что значение деятельности Нагарджуны «сопоставимо с деяниями самого Будды». И далее продолжает: «Истолкование Нагарджуной Срединного пути фактически означало строительство Великой колесницы, Махаяны. Как ее основоположник он не только собрал, соединил и “подогнал” друг к другу уже имевшиеся в его расположении части Колесницы, но и впряг в нее “коней”, пригласил путешественников и в роли возничего отправился с ними в Путь. Движение по Великому Пути (что тоже является буквальным пониманием Махаяны) продолжается до сих пор» [1, т. I, с. 12–13].

Известно, что проблема атрибуции текстов в буддологии относится к наиболее сложным. Автором во всех трех изданиях предлагается при создании целостной картины махаянского буддизма (II–IV вв.) системный историко-текстологический метод, позволяющий рассматривать выделенные им шесть видов текстовой деятельности, представленных в нагарджунизме и во всей ранней мадхьямаке в едином комплексе, располагая их «от простого к сложному», что, безусловно, оправданно и плодотворно, ибо в их основу были заложены принципы взаимосотнесенности и взаимодополняемости. Также рассмотрены сложные проблемы нагарджуноведения – одной из отраслей научной буддологии, касающиеся аутентичности текстов, относимых к Нагарджуне, историчности его образа и деяний. Богатое в жанровом отношении творческое наследие Нагарджуны (в тибетском каноне «Тенгьюр» насчитывается 125 текстов, приписываемых ему), который по представлению буддийских ученых-монахов жил, перевоплощаясь в течение шестисот лет, пересматривается современными учеными-буддологами. Выдвигаемая ими версия,

что под именем Нагарджуны скрывается несколько авторов, творивших в разных жанрах с целью канонизировать свои произведения, свидетельствует о великом авторитете Нагарджуны и о той роли, которую он сыграл в махаянском буддизме. В.П. Андросов, обращаясь к личности Нагарджуны и его творчеству, предлагает свое видение, свое решение запутанных проблем в отношении его творчества и «слоистой», как он пишет, агиографии, включающей мифологические, легендарные, сказочные, мифические и другие составляющие.

В монографии «Основоположник Махаяны Нагарджуна и его труды», в ее первом томе «Буддизм Нагарджуны: Религиозно-философские трактаты» дается обзор источников о жизни и творчестве Нагарджуны начиная с IV в. Далее представлены переводы его трудов с санскритского и тибетского языков на русский, адресованных последовательно мирянам, адептам медитации и знатокам всего корпуса буддийского Учения. Каждый перевод снабжен вводной статьей и сохранившимися автокомментариями Нагарджуны, а также комментариями и исследованиями буддийских ученых и собственно авторскими. Поистине украшением данного тома является «Собрание основоположений Закона» (Дхарма-санграха) – справочный лексикон махаянского буддизма, который представлен параллельно на трех языках: санскритском, тибетском и русском с объемными комментариями. Во Введении автор признается, что «работа над этим трактатом стала для меня во многом знаменательной. В нем содержатся ключи, открывающие глубокие тайны буддийских текстов» [1, т. I, с. 18]. Далее В. П. Андросов приходит к важному выводу, что «систематическое изучение “Дхарма-санграхи” вкупе с чтением других текстов и переводов поможет заложить прочный фундамент как интеллектуально-энциклопедического, так и конфессионального интереса к буддизму» [1, т. I, с. 19].

Обобщая можно отметить, что все шесть глав данного тома представляют собой историю становления и развития махаянского буддизма; аналитическое постижение и осмысление эзотерических текстов Великой колесницы.

Второй том «Учение Нагарджуны о Срединности» состоит из двух частей. Первая часть, теоретико-методологическая, посвящена истории индийского буддизма раннего периода, развитию догматики в школах Малой колесницы, Хинаяна, проблемам синтеза (переплетения) религиозного и философского начал, проблемам историографии и периодизации, вопросам полемики Нагарджуны с оппонентами. Думается, вызовут у читателей несомненный интерес учение о видах текстовой деятельности, современный подход к понятию «текстовая деятельность», выработанные в аспекте психологии творчества, проблемы идентификации текстов и другие аспекты исследования, связанные с творческим наследием Нагарджуны и нагарджунизмом. Небезынтересны поднятые проблемы языка исследования и языка перевода, сохраняющие актуальность во все времена.

Во вторую часть второго тома вошло несколько переводов трудов Нагарджуны, среди которых наибольшую ценность представляют «Коренные строфы о Срединности» (Мула-мадхьямака-карика) – философский и полемико-диалектический трактат, впервые переведенный на русский язык и всесторонне исследованный. Переведен и проанализирован автокомментарий «Акутобхайя» с точки зрения историко-текстологических проблем, так как авторство, приписываемое Нагарджуне, нередко подвергалось сомнению. В композиционном плане удачным представляется такое расположение материала, когда пояснения и комментарии приводятся непосредственно сразу после перевода строфы (по терминологии автора, «комментированный перевод»), что значительно облегчает читателю восприятие смысла и значений буддийских терминов и понятий, образного постижения заложенных идей и концепций. Отрадно, что российская буддология обогатилась семью трудами Нагарджуны и двумя махаянскими сутрами и вносит свой весомый вклад в мировое нагарджуноведение.

Поскольку в современной России махаянский буддизм, официально признанный с XVII в. в индо-тибето-монгольской традиции, вновь возрождается и активно развивается, В. П. Андросов уделяет в своих работах пристальное внимание проблемам трансформации индийского буддизма в тибетский. Пожалуй, это одна из самых важных и интересных тем для российской буддологии, проливающая свет на многие сложные вопросы, и связанная к тому же с современным состоянием и развитием буддизма в российских регионах. Многие идеи автора не могут не затронуть сердца читателей. Русская буддологическая школа, отмечает он, «остаётся уделом одиночек». Эта авторская мысль, к сожалению (а может и к лучшему?), соответствует действительности. Размышления о «нарушении, сбоях естественного развития культуры духа», имевших место в среде проповедующих буддийских монахов на просторах Российской Федерации, с одной стороны, а с другой – об устремлениях современных россиян, «страждущих вкусить таинств буддизма», об их общении, изучении ими сакральных текстов без необходимой подготовки и системы образования, «духе сектанства и фанатичности» в среде так называемых новых буддистов – актуальны и весьма своевременны. Эти вопросы впервые подняты в серьезной научной литературе, и они, несомненно, очень важны как для самих буддистов, так и для широкой российской общественности.

Колоссальный объем и временная протяженность исследовательского материала – это одновременно плюс и минус работы, ибо все же трудно избежать некоторой доли схематизма, желания «выстроить» в логической последовательности такой гигантский объем информации. И все же, повторюсь, большая заслуга автора в том, что, адресуя свои труды, в первую очередь, коллегам-буддологам, научной общественности, он сумел сделать поворот к широкой читательской аудитории, которая сегодня

активно интересуется буддизмом, к сожалению, выказывая интерес в основном к его мистической стороне. В. П. Андросов сумел достойно пройти между своего рода Сциллой и Харибдой в решении данного вопроса, что несколько не умаляет историко-текстологические, теоретико-аналитические и методологические аспекты его научно-исследовательских трудов. Несмотря на то что тематика их весьма серьезна и глубока и автор использует чисто научные методы и приемы исследования, стиль его трудов, легкий и живой язык, каким они написаны, делают их доступными широкому кругу читателей, вовлекая в мир пытливого аналитической мысли, за развитием которой интересно следовать.

Литература

1. Андросов В. П. *Основоположник Махаяны Нагарджуна и его труды*. 2-е изд., испр. М.: Восточная литература; 2018.
2. Андросов В. П. *Очерки изучения буддизма Древней Индии*. М.: ИВ РАН; Наука; Восточная литература; 2019.

References

1. Androsof V. P. *The founder of Mahayana. Nagarjuna and his writings*. 2nd ed. Moscow: Vostochnaya literatura; 2018. (In Russ.)
2. Androsof V. P. *Selected Essays on Buddhism in Ancient India*. Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; Nauka; Vostochnaya literatura; 2019. (In Russ.)

Для цитирования: Балданмаксарова Е. Е. Ранний буддизм. Идеи Нагарджуны и его письменное наследие в XXI веке. *Ориенталистика*. 2020;3(1):289–294. DOI: 10.31696/2618-7043-2020-3-1-289-294.

For citation: Baldanmaksarova E. E. Early Buddhism. Ideas of Nagarjuna and His Written Legacy in the 21st century. *Orientalistica*. 2020;3(1):289–294. (In Russ.). DOI: 10.31696/2618-7043-2020-3-1-289-294.

Информация об авторе

Балданмаксарова Елизавета Ешиевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 22 октября 2019 г.
Принята к публикации: 1 января 2020 г.

Information about the author

Elizaveta E. Baldanmaksarova, Ph. D. habil. (Philol), Leading Research Fellow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Received: October 22, 2019
Accepted: January 1, 2020